Александр ОЖИГАНОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ ИЗ КНИГИ «ТРЕЩОТКА. 1977»

Публикация, подготовка текста, предисловие, комментарии Светланы Варкан-Ожигановой

«Трещотка» создавалась в течение 1973–1976 годов и окончательно оформилась в начале 1977-го. Весной того же года книга начала распространяться в ленинградском самиздате. Ключом к её пониманию служит эпиграф из Анны Ахматовой: «Не лирою влюблённого / Иду пленять народ – / Трещотка прокажённого / В моей руке поёт». Открывается книга стихотворением «Диалог», созданным на исходе 1973 года. Этим же стихотворением завершалась первая книга – «Стрекоза», вобравшая в себя всё написанное до конца 1973 года. В 1974 году «Диалог» воспринимался как пограничное предчувствие – как внутренний спор между уходящим южным теплом («горсть сухого дыма, глоток вина») и наступающим холодом. В 1977 году, под влиянием ахматовского эпиграфа, этот же текст звучит иначе – как свершившийся факт и принятый выбор пути. Строка *«Не останавливайся здесь: ты всё ещё в гостях – не дома!»* обретает буквальный смысл экзистенциальной неприкаянности. АО оставляет прежнюю напевность «ледяной флейты», переходит на корявый, косноязычный и рваный язык, названный в стихах «одичавшей ящеро-речью». Летом 1975 года в письме из Ленинграда он определял этот поворот: «Мне кажется, что я нашёл, ухватился за кончик клубка Ариадны и вступил в Лабиринт. И для того, чтобы смотать клубок, пройдя все закоулки и тупики, смотать и выбраться, выйти на свет, мне нужно теперь отсюда уехать».

В архиве АО сохранились письма с откликами на книгу. Давид Дар накануне отъезда в эмиграцию: *«С великим волнением читаю Ваши стихи. Очень благодарен Вам за честную сильную книгу стихов "Трещотка". Желаю Вам мужественно выпить свою Чашу до дна»* (письмо от 8 мая 1977 года).

Поэт Борис Викторов*: «"Трещотка" перевернула моё представление о многом /поговорим при встрече/, такого впечатления не получал, пожалуй за последние десять лет ни от одной книги, я предсказываю, что когда-нибудь о ней будут написаны десятки томов исследования, А пока поздравляю. "Рукописи не горят" – сказал Воланд»* (письмо от 13 июля 1977 г.).

Книга написана на фоне бурных событий в Ленинграде: выход антологии Константина Кузьминского «Живое зеркало: второй этап Ленинградской поэзии»[1], подготовка сборника «Лепта»[2], сопровождающаяся разбродом, творческим кризисом, попытки издать собственные официальные поэтические сборники, акции «Белые ночи», проводы К. Кузьминского в эмиграцию, выпуск самиздатовских журналов «37», «Часы».

Напряжение между товарищами по сообществу нашло отражение в стихотворениях «Поэтам» (1976) и «Подозреваю» (1977).

Архив книги содержит три черновых блокнота, две чистовые тетради, папку с разрозненными листами авторской машинописи, 136 листов.

В приложении представлены оглавление книги по машинописи и стихотворения из тетради «Трещотка», не вошедшие в книгу (отсутствуют в м/п виде) – два стихотворения

---

[1] Сборник «Живое зеркало: второй этап Ленинградской поэзии». 1974. http://samizdat.wiki/Сборник_«Живое_зеркало:_второй_этап_Ленинградской_поэзии»#.D0.90.D0.BB.D0.B5.D

[2] Лепта. 1974. https://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta4.htm

из цикла «666», «Апология романа», четыре текста-песенки, возможно, предполагалось эти песенки включить в последнюю главу «Мой голос для тебя...», одно из них – «Маф» с посвящением В.С., очевидно, по смыслу, Виктору Сосноре.

Кроме того, в приложении даны ссылки на публикации отдельных стихотворений и основные статьи, посвящённые Александру Ожиганову.

Из главы «Бестиарий»

Рыбы

Что остается мне?
Кто-то свистел, светился…
Тихо, на глубине,
Я к тебе прилепился.

Темень и тишина.
Ты у меня одна.

Дно у нас потолок.
Падает падаль-перхоть.
Вывернет, как чулок,
если подняться кверху.

Не поднимайся, не
вздумай туда соваться!..
И не горюй по мне:
мне-то не оторваться.

Декабрь, 1974

Медведь

Подарили невесте медведя.
Голубой, как свидетельство о
нумерованном браке, поедет
на переднем сидении он
посреди серебристых бутылок
и шаров в виде плоти мужской…

И невеста небесный затылок
будет гладить тяжелой рукой.

Апрель, 1975.

Ева

Грудь – кулачок, и ягодица – грудь!
Сусальная снегурочка, ледышка,
конфетка – так и хочется лизнуть,
куснуть, когда б не выпершее дышло!..

Когда бы не висел над головой
тяжелый ободок, солдатский венчик,
и не сплелись бы волосы с травой,
и не болтался бы в траве бубенчик!..

Июнь, 1976

Адам

«Серая сушь. Ночь.
Грязные облака.
Кашляет моя дочь,
и верещит кран.

Жалко ли?.. Чья жизнь
только и дорога…
На жалюзи – шиз,
легкий, как таракан.

Все. Каблуком – шмяк!
Усики рук – тресь!..
Это же самый смак!
И человек весь –

здесь!.. Мотылек… мысль…
серый узор сна…
Не нахожу смысл.
Но захоти – на

все, что могу здесь!..
Все верещит кран.
И до утра: тресь –
кха!.. тресь – кха!..»

Июнь, 1976

Память

И тянется вся эта канитель
без просыпу, промеж огня и мрака!..
Ушедшие за тридевять земель
уже не ждут ни оклика, ни знака.

И тех и тех опутала одна
и та же полосатая голубка:
живем – как из подвального окна
заглядываем умершим под юбку…

И видим, как они – нетопыри

и гурии с пунцовыми губами –
следят из-за кроватей и перин
в поту загробной похоти за нами.

Клубками тел – ни мертвых, ни живых –
сливаясь и катясь, и те и эти
не ждут, не помнят прошлых бед своих
и будущих на том – и этом свете.

Красавица с куриной слепотой,
с предсмертною гримасой, с поволокой –
срывается: «Не после, не потом –
теперь, сейчас же, во мгновение ока!»…

«Мгновенье, – декламирует шаман, –
остановись! Довольно! – я доволен…
Все! Занавес!.. Елену – мне!.. Обман?!
Хочу! Достану! Вытащу из штолен!

Спущусь! Взлечу! К чертям!.. И к матерям!..
Даешь эрзац! Но только – экстра-класса!»
Когда, скажи, тебя я потерял?
В каком году? В каком отрезке часа?

Не помнишь? Под каким из двух дерев?
На небесах ли? На земле?..» – «Не знаю.
С тех пор как я ушла, перегорев,
я забываю все… Все забываю…»

Июнь, 1976

Еж

Я – еж с иголками вовнутрь.
Любой склоняется и гладит,
и гладит… Нежную войну
терплю… «*Ну!.. Ну!.. Ну!.. Ну!.. Ну хватит…*»

А я не неженка, я – еж…
Не трожь меня. Не трожь! Не трожь…

Ноябрь, 1976

Из главы «Реквием»

Диоскуры[3]

Железобетонные книги.

[3] Диоскуры – в античной мифологии божественные братья-близнецы Кастор и Полидевк. Метафора расколотого сознания.

Бумажное мясо, волокна.
Стена и бумага.
Бумагостена. Разновидность
от – чета: приход и приход. Диоскуры
параграфов, граф, смет и стенографических
песен
слепых и слепых –
собирательный слепок с Гомера
/жевательный эпос –
желательно эпистолярный –
дежурное блюдо
в рабочем кружке омофагов[4],
за вычетом омо эректус и соображалус/:
желе из газет и газет и газет –
«Или – ада».

Железо бетона,
железо железа,
железо жетона,
жетонобетонный телец,
жеребец Диоскуров
в капустных листах
разноцветных бюро обработки
информации. Овощ
из су–кровищницы эконома
/в совр. транскрипции:
a /эго – омо,
b/, c/, d/, и т.д. – некий Нюма/[5]
тут – всеобщности:
«тут – и – конец».

2
Верю в бога толпы,
в одинокого бога ристалищ
и зрелищ.

Верю, господи, в Гост[6].
Верю в «наших» и «ваших» экрана.
Только плоский алтарь
принимает трехмерную жертву,
только призрачный приз
призывает на смерть бегуна.

Верю в твой марафон
/первый приз – черепахе Зенона/

---

[4] Омофаги (от греч. омофагия – поедание сырого мяса) – участники дионисийских оргий. Здесь: ироническая метафора массового советского общества, поглощающего газетный суррогат. Омо эректус (лат. Homo erectus) – человек прямоходящий.
[5] Нюма – Нума Помпилий, второй царь Древнего Рима, учредивший календарь, законы и строгий общественный учет.
[6] ГОСТ – Государственный общесоюзный стандарт в СССР.

парменидовый мир[7]
неподвижен в движении от
начала – назад
и вперед до конца…

Наконец-то!

Наконец-то начнем.
Начинай, но – иначе! Старт!
Старт!..

Ноябрь, 1976

Восход

Horchet! horcht dem Sturm der Horen!
Goethe[8]

Смерть, где жало твое?

Время тихо запнулось на третьем часу.
Стрелки пересеклись.
И снежинки внезапно застыли
ледяными созвездиями. Сразу
пресеклись сновидения…
И зрение отпало во тьму,
как белесые бельма.
И серные шарики слуха
закатились во тьму
под безудержный звон головы.
И мучительный крик
черным гадом унесся во тьму.
И душа отошла,
осторожно светясь, в темноту же…

Смерть, где жало твое?

Ничего не осталось.
Осталось собрать НИЧЕГО
и оплакать кощунственным смехом,
чтобы все затряслось,
сыпанули замерзшие звезды,
чтобы стрелки, клонясь,
стали падать по кругу… по кругу,
как во сне…

---

[7] Черепаха Зенона и Парменидовый мир – отсылки к философии Элейской школы (V в. до н.э.). Парменид утверждал абсолютную неподвижность и неизменность истинного Бытия, Зенон доказывал это парадоксальными апориями. Используются как метафора исторического паралича и статики.
[8] Эпиграф: *Horchet! horcht dem Sturm der Horen! Goethe* на немецком языке. Цитата из трагедии Иоганна Вольфганга фон Гёте «Фауст». Перевод: Борис Пастернак: *«Внемлите буре Оров!..»*
«Смерть, где жало твое?» – цитата из Первого послания апостола Павла к Коринфянам.

чтобы вдруг загремело
над твоей головой:

«ВСТАНЬ, АДАМ!»

Январь, 1975

Из главы «Калейдоскоп»

Невинность[9]

Деревенеет позвоночник.
А то, что было бы душой,
раскисло и впиталось в почки,
и встало желтою трубой

в сугробе… Что ж, адье, голубка!
Я долго нянчился с тобой…
Наутро льдиночка, скорлупка
заголубеет над дырой.

1974

***[10]
По правде говоря, мне нечего сказать…
слова червивые и черное веселье
не скрасят будничное новоселье
во чреве глинистом, где белый червь
– казак.

В блевотине любви на стременах
проскачет белый червь, врачуя раны,
лазутчик – червь и черви – партизаны,
чревоугодник – червь и червь – монах…

Амур натягивает тетиву
и протыкает сердце ненароком,
как огурец, ан я – хитрец! – живу
и только истекаю черным соком

на девственную бедную тетрадь,
черчу абстрактный лабиринт, орнамент:
возможно, здесь резиновая рать

---

[9] Диалог с Осипом Мандельштамом, у него в стихотворении «Чуть мерцает призрачная сцена...» есть образ души-ласточки, которая возвращается в подземный мир.
[10] Прямая перекличка с Осипом Мандельштамом. В «Стихах о неизвестном солдате» (1937) есть строки: *«И в землянках целуют ласточек, / И заводится червь могильный...»*.
Диалог с Гавриилом Державиным. Метафора червя отсылает к оде «Водопад»: *«Я царь, – я раб, – я червь, – я бог!»*

потащится стирать
старье и обрабатывать пергамент.

9 февраля, 1976.

***

Начало готовит итог,
как бы поминальный пирог.
На гроб опускается бог
кромешного небытия
или громовержец Илья:
«Чив – чив!» или «Трах – тарарах!»

Червь, афористичный, как Яхве,
смакует пословицу: «Прах
не пахнет!»[11]

25 июля, 1976.

Из главы «Монолог»

Ответ психиатру[12]

«Оскаленная дверь – приманка бед
и демонов с горящими глазами…»
– «Пожалуйста, садитесь.» – «Что?.. О, нет! –
Я не хочу сидеть в помойной яме!
Сиденье – смерть. Окурки сигарет –
кристаллы игл над горными снегами.

Что нам идет на пользу? Что во вред? –
не знаю. Я – неважный дегустатор.
Наверное, об этом знает Фрейд,
бог, первый секретарь и ресторатор.»
– «Вы пишете?» – «Да». – «Что же?» – «Сущий бред».
«О, вы поэт!» – «Нимало. Агитатор».

– «Чему же вы, простите…» – «Ничему!»
– «Но… это нелогично!» – «Трали-вали!
Ведь хочется и моему уму
попрыгать на всеобщем карнавале
туда-сюда!..» – «А смысл?» – «Я не пойму…
Простите, что вы только что сказали?»

– «Ну что ж… Тогда прошу вас говорить

---

[11] *«Прах не пахнет!»* – концептуальная переделка крылатого выражения римского императора Веспасиана «*Деньги не пахнут*».
[12] Аллюзия на вступление к поэме «Во весь голос» В. Маяковского *(«Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлана-главаря»).*

конкретно. Были?.. Не были?.. Имелось?..
Где?.. Как?..» – «Постойте, я теряю нить! –
все, как на карусели, завертелось…»
– «Я говорю, что надо говорить
конкретно!» – «А!.. Да, да… Конечно, мелос

невыразим «конкретным» языком,
когда маниакально спят по Госту,
бегут по ГОСТу, машут кулаком
по Госту и вверяются погосту
по Госту же, который им знаком
по Госту Гостов – по Большому Госту!..

А впрочем, вам, наверное, видней.
Вот и ко мне приходят Госты в гости.
Выстраиваясь около дверей,
указывают мне параграф тростью:
«Вот так и так. А так – ещё верней…»
А в промежутках мы играем в кости.

Что выпадет? Не знает ни один –
увы! – гость Гост, тем более – хозяин
их: баянист, плешивый нелюдим,
камлающий на пустырях окраин
и лунный бубен, словно Алладин,
ласкающий украдкой, неприкаян,

но и капризен, словно балерин,
коверный, мастер всех сальто-мортале
и всех сальто–витале, белый грим
размазывающий на карнавале
и стаскивающий из-под перин
старуху Диотиму[13] за сандали!..

Да, да, игра!.. И полночь на часах.
А Герман[14] где-то шляется недаром:
он получил в отместку тайный страх
за тайну страшную с трагическим финалом.

Я все сказал. Оратор Тарарах.
Предоставляю слово санитарам.

1 июня, 1976.

Глухое окно

[13] Диотима – жрица из диалога Платона «Пир».
[14] Германн – герой «Пиковой дамы» А. С. Пушкина.

В. Х.[15]

Так раскричаться!.. Так орать!..
Так голосить в пустую бочку!..
К чертям проклятую тетрадь:
разбудит мне и мать и дочку!..
Изрыта девственная гладь,
и строчка выперла на строчку…

И это я, едва-едва
кривящий губы для ответа?!.
Молчит далекая Нева,
молчит – под табуретом – Лета,
и призрачная голова
моя глядит с другого света

оторопело и темно:
«Ты?.. ты?..» – «А ты чего хотела?..
Как надоело мне одно
и то же оборотень – тело!
Брр!.. Ты бы в темное окно
так на меня бы поглядела,

как я за этим вот столом
для разрыванья, потрошенья,
как жрец и жертва под ножом,
кипя в котле стихотворенья
новорождённым в нежилом
себе и у себя прощенья
выгуливая!» – «Не хочу.»
– «Ага, не хочешь…» – «Я завишу…»
– «Не от меня! Что я – лечу?!
или калечу?! Ненавижу!..

А!.. Потому я и кричу,
что самого себя не слышу…»

7 июня, 1976.

***

Мысль изреченная – твоя, оратор, смерть[16]
и торжество единственной лжи-правды.
Земля текуча. Неподвижна твердь
Небес. Их бесконечного парада.

---

[15] Посвящение «В. Х.» – отсылка одновременно к Велимиру Хлебникову (трактовка поэзии как телесного «потрошения») и Владиславу Ходасевичу (ночное всматривание в темноту стекла и мотив «оборотня-тела»).

[16] Название и первая строка переосмысляют постулат Ф. Тютчева о невыразимости мысли («Silentium!»). В финальной строке соединены личный поэтический символ М. Цветаевой (рябина) с традицией трагического частушечного надрыва.

Туш! туш!.. Теперь ты можешь умереть:
здесь /там/ оценена твоя бравада.

Теперь – молчок, юродивый – мудрец:
наговорил на призрачную пленку
с три короба и баста! И – конец!
«Уа – уа!..» – на мокрую пеленку
тебя уложит будущий отец
и пососать, как прошлому ребенку,

даст… Ничего. Порядок. Молодцом!
И соска – червь. И одеяло – глина.
Теперь ты сам становишься отцом
и самого себя родишь как сына:
под небом выпуклым, над глиняным яйцом –
рябина, эх!.. малина, эх!.. калина…

8 июня, 1976.

Из цикла «666»

***
VI
Подземелье. Огонь под котлом.
Уголь, шлак и водица – частицы,
из которых составлен облом
первоматери, первоблудницы,
зажигающей море крылом-
язычком праязыческой жрицы...

О! невообразимая вонь...
Из протухших яиц пранарода
пропасть спермы пылающий конь,
обезумев, обрушил со свода,
покрывая праматерь – огонь –
для непресекновения рода.

«Атлантида!..» Накрылась... Конец.
Крыльев кварцевых – океанида! –
не растрогает братец-отец
черта лысого, вечного жида:
по кристальным изгибам колец
я спускаюсь в тебя, Атлантида.

Почерневший, плешивый, слепой,
обрастающий шерстью утробной –
проползаю мокричной тропой,
называемой в «массах» – загробной,
той, поверхностной, автономной,
где являюсь «нечистой и злобной

СИЛОЙ»... Я! Я, полуинвалид,
охромевший в провалах Аида –
нету сил! – сад сестриц Гесперид
навсегда потерявший из вида,
на кристальных изгибах обид
жабры режущий.... Мать Атлантида!..

Пусть поодаль поставят коня.
/это Агни-болтун... Это Агни! /
Вертикальная полка... ОГНЯ!..
/три же!.. У, жеребец! – и не ахнет… /
Деревянное ложе... МЕНЯ
ВЫКРЕСАНИЕ!.. Агнии[17], а?.. Пахнет?!.

Май 1976

Из главы «Камо грядеши?»

***

«Посмотри: в середине тетради,
как напильник, запрятанный в хлеб,
сероватая проволока скреп
залоснилась на девственной глади.

Неужели спасения нет
от слепого волнения воли,
если ты – арестант или воин –
обнаружил нехитрый секрет?

Истончил сердцевину стальной
червячок, предвещающий сумрак.
Распилить, не ломая пещерный рисунок?
Или выскрести лаз потайной?..

Чем ты так – отвечай! – недоволен,
разглядев сероватый скелет,
если ты – арестант или воин
безнадежных пожизненных лет?»

– «Неразменны посмертные годы.
И заранее ясен ответ:
скреплены – не раскинуть ветвей!
Только девственный сгиб, только срез
омертвевшей породы
прячет сумрачный свет:
затхлый гибельный отсвет свободы».

[17] Агни – ведийский бог огня.

18 октября, 1975.

***

С.В.

Ну, хорошо! Сугробы тают,
и эфемерно по утрам
парные ангелы летают
и тут и там, и тут и там…

Не поднимусь и не подвинусь
в квадратный жёлтый жалкий свет…
Я отсижусь в подвале минус
один. «Где папа?» – «Папы нет».

За почкой вылупилась почка.
В природе та же нищета!
Ты не одна у папы дочка.
Всех дочек не пересчитать.
Они – как завязи листочков…
Их тоже надо воспитать!

Они лежат как неживые.
В их нераскрывшихся телах
зияют раны ножевые,
как в затонувших катерах.

Я полечу их, как сумею,
своим секретам научу,
своим дыханием согрею
и вместе с ними улечу!..

Когда-нибудь, в сырую ночь,
ты выведешь за руку дочь.

Ковер земли, сырой и пёстрый,
к вам прирастет родной коростой:
воздушный тяжкий пух–свинец…

Ты скажешь: «Видишь: во – он отец!..
И с ним – твои родные сёстры».

2 марта, 1976.

***

«Чем дальше твое лицо,
тем ближе: провалы… пятна…
Единственное – невнятно,
как огненное кольцо.

Магической спичкой – чирк!
И сразу же – запах серы:
ты и в глубине пещеры
и на небе /лунный цикл/!

Ты – у очага для тех,
кто пережидает стужу
в тепле, воплощенный грех –
отшельнику, тело – мужу.

Русалкою – всем чужим
и золушкой – всем домашним.
/«НЕ ТРОГАЙ!»/, и не моим
подпольем любовной башни!»…

– «Живой не спрашивает и
не отвечает на вопросы.
Искать – достойней, чем найти
и взять. Завет азов. Отбросы –

ответ. И отраженье дна –
святой дурацкий перевертыш…
Тьма лиц и целей! Я одна
не целюсь.» – «Ты и не посмотришь?»

– «Я только двигаюсь на гул
горячей крови корнеплода:
личину личности, урода,
облом – увидеть не могу.

Я вижу ВСЕ /иного нет! /
своим обыкновенным зрением
и незнакома с подозрением
/то есть – с презрительным прозреньем/,
которое избрал поэт».

Август, 1976.

Эпос

1
Ну вот и отупение, теперь
не торопись: торопятся герои
хитрющие у стен грудастой Трои,
таща коня в эпическую дверь.

Конь – хоть куда: сто лошадиных сил!
И копья – на подбор! И пахнет потом
солдатским! Конь Кассандру укусил и,
вздыбившись, покрыл всю Трою оптом!..

А, Илион! Остался на бобах!
Не помогли ни скабрезные шутки,
ни глиняные штуки на столбах,
ни юркие мокрицы – проститутки.

Во жеребец! Арийский конь-огонь!
Кровавый мед. Победный привкус меди.
И трескают бобы козел и конь –
антагонисты будущих трагедий!

Друг против друга, за одним столом
с дымящейся бобовой божьей кашей!
У, скотоложцы! Кочевой Содом!..
Но вот – козел. И он – еще покажет!

Он даст себя зарезать и распять…
Еще хитрей! Еще замысловатей!
И спрячется. И явится опять…
Хор ангелов. И дружный скрип кроватей!

А святость? – вот она: печёный блин!
И, своротив очередную крепость,
таскается за отпущеньем в Рим
национальный генеральский эпос.

2
И на святой Руси – богатыри!
Что Ахиллес? – норовистей и лучше!
На погребах стоят монастыри.
«Кваску бы, а?» – «Не гневайся, Илюша:

ВРАГ У ВОРОТ!..» Теперь не торопись!
Баян потыкал саблею в гнилое
дупло: «Ау, Илья-батыр, проснись! –
Владимир – Дюк припомнил о герое…»

Ну вот и отупение! Теперь –
все три ведра «московской» и – наружу!
«Который – враг?! Сынок? архангел? зверь?
Всех порешу! И все вокруг порушу!»

Август, 1976.

Из главы «Мой голос для тебя...»

Подозреваю[18]

[18] Написано полгода спустя после выпуска книги в самиздате, возможно, как ответ на письмо Виктора Кривулина от 26 октября 1977 года, в котором была высказана позиция о кризисе поэзии, инерции стиля, недоверии, подозрении к собственному слову. Включено в машинописную книгу как послесловие.

Подозреваю каждую строку.
Перо-топор пугает: «Замараю!»
Читаю – в рот любому дураку
смотрю: кривится? – все, подозреваю!

Подозреваю самого себя
во всех грехах, во всех уступках раю:
резвятся черти? ангелы сопят? –
промеж огня и тьмы подозреваю

огонь и тьму! Антонимов глухих
зовут – цып-цып! к родному пра-сараю
синонимы: и этих и других
слова, слова, слова! / подозреваю,

беру в кавычки скошенного рта,
как не горю огнем – с огнем играю!
«Огонь, вода и трубы»? – ни черта
я не боюсь! От страха обмираю.

Два мира – вещи и слова – во мне
воюют: победителя не знаю!
В воде сгораю и тону в огне…
Подозреваю – словно прозреваю:

«реальность» – разноцветный маскарад!
Но масок ни с кого я не срываю:
личина, я другим личинам рад!
За ними – ничего, подозреваю.

17 ноября, 1977.

Поэтам

Ничего не осталось от нас:
мы зарыты по шеи в траншеи
миллионов невидящих глаз…
А! проклятые ямбы, хореи,

амфибрахии, дактили… Тьфу! –
расплодилась немецкая нечисть,
и слепую слепящую тьму
и прикрыть-то, закопанным, нечем:

ни ладоней, ни плеч, ни локтей…
Как ягненок перед крокодилом,
на скрещении взглядов, Антей,
стой: прибудет несметная сила!

Затвердеет хрустальным бугром
стекловидная мускулатура:

вот и дом, богатырь, вот и дом,
и твоя – ядовитая! – шкура…

Не поднимут тебя на Олимп
ни орел, ни прекрасная дева:
все! – ты что называется влип
в это грязное мокрое дело!

Едкой мыльною пеной глаза
разъедают и плиты гранита,
и оттуда всплывает коза –
ослепительная Афродита!

Вот ее непомерная плоть
и морская – на суше! – походка:
все – хватать и месить и колоть!..
Только ты для нее не находка:

Ни ладоней, ни плеч, ни локтей…
Ни на шаг – от хрустальной лоханки!..
Видно, не был поэтом Орфей,
раз его растерзали вакханки.

8 июня, 1976.
==========

ПРИЛОЖЕНИЕ

Оглавление книги воспроизводится по машинописи (разрозненные листы в папке), неопубликованное выделено курсивом.

Оглавление стр. м/п

Диалог 2
Бестиарий 5-18
Кузнечик 4
Жаба 6
Кошки 7
Рыбы *8*
Ягуар 9
Медведь *12*
Зубры 13
Ева *14*
Адам *15*
Память *16*
Белка 17
Ёж *18*

Реквием
Диоскуры *19*
Реквием для трёх голосов 22

Лиза 30
Цыганочка 34
Салют 37
Звезда 38
Цветы 41
Баллада о двух Маринах 43
Отплытие 45
Место часа (Реквием для пяти голосов) 47
Плач 52
Восход *54*
Мост 55

Калейдоскоп
Брошена белая нитка… 57
Вахта 58
Поднимаясь на пятый этаж… 59
Кто наблюдает за людьми… 60
На белый свет растерянно смотрю… 61
Невинность *62*
Невыносимый стон молчанья… 63
Ночное мелкое сверканье января… 64
По правде говоря, мне нечего сказать… *65*
С высокомерным удивлением… 66
Новоселье 67
Начало готовит итог… *68*
Парканы 69
Монолог
Монолог Адама 83
Гамлет. Монологи. 84
Гамлет. Новые монологи. 87
Ом мани падме хум 89
Второй монолог Адама. 90
Монолог 92
Ответ психиатру *95*
Глухое окно *97*
Мысль изреченная – твоя, оратор, смерть… *98*
Из цикла «666»
I писать стихи удобнее, чем рожать… 100
V Меня тошнит в автобусной утробе… 101
VI *Подземелье. Огонь под котлом…* *103*
«Камо грядеши?»
Василиса 105
Посмотри: в середине тетради… *106*
Ну хорошо!.. Сугробы тают… *107*
Тётка 108
Вот, мальчик, и твоя свирель! 111
«Камо грядеши?» 112
Чем дальше твоё лицо… *115*
Эпос *116*
Я слышу шум всех битв 118
Христос 119
Ищу работу 120

Дом 122
Изображение грабежа… 124
Пошевелишь ли пальцами устало… 125
Моление о Слове 126
Мой голос для тебя...
Мой голос для тебя 129
Трое 131
Стадо (пастораль) 132
Подозреваю *133*
Поэтам *134*
Депрессия 135

Не вошедшие в «Трещотку.77»

Стихотворения из чистовой тетради «Трещотка», отсутствующие в машинописном виде. Это – не вошедшее в «Трещотку. 1977» (два стихотворения из цикла «666», «Апология романа», четыре текста-песенки[19], записи от 10 июня 1976 г., возможно, предполагал эти песенки включить в последнюю главу «Мой голос для тебя...»).

Из цикла 666

III
В начале было всё. Потом Адам
нечаянно назвал всё. Всё пропало,
Рассыпалось, ушло... И стал Бедлам.
Адам сказал: «ЗВЕЗДА». Звезда упала.
Всё как бы разделилось пополам.
И дети озираются устало:

«Что это?» – «Стул». – «А это?»-«Абрикос?
– А это?» – «Диван». – «А что там на диване?..
Любой ответ есть на любой вопрос.
Ответ в вопросе спрятался заране.
Я б сам ушёл и дочку бы унёс –
неназванную! – в мир неназываний.

Вождь поднимает палец. Тычет им
куда-то: «ВОТ!» – и скачут эскадроны

IV
Быть знаменитым-некрасиво.
Б. Пастернак
Незнаменитый-некрасив.
Учись у Байрона, писатель!
Лезь в воду, брода не спросив:
карась-утопленник-спасатель!
Ты хромоног? Или плешив?..
Какая разница? – Все кстати!

[19] Песенки – мое название – С.В.

Все-стать! И ты по всем статьям
красив, как бог и дьявол сразу,
когда вливаешь по скамьям
в зал обожания заразу,
как тошноту воздушных ям,
не видя зрителя ни разу.

Из цикла «Апология романа»

1. Рукопись[20]

Перечитал и сжег листочки
и глянул в утреннюю мглу
неверным взглядом одиночки,
забытого в своем углу.

Белели полосы тумана,
и сыпал реденький снежок.
Герой новейшего романа
стоял от смерти на вершок.

Герой страдал от геморроя,
служебных и семейных бед.
Никто не видел в нем героя
и не смотрел герою вслед.

Герой смешил друзей порою,
когда случалось быть друзьям...
о том, что смерть не за горою
герой догадывался сам.

Редели полосы тумана,
в сугробах тяжелел снежок...
Листочки тайного романа
герой прочитывал и жег.

Бумага вспыхивала дико,
бросалась пламенем назад!..
А пепел падал тихо-тихо.
Всю ночь был чёрный снегопад.

«Что, прозевал, читатель – дока?»
«– Да нет же, нет! – я ведь давно...»
И сыпал снег. И одиноко
парило светлое окно.

2. *Прозаик прозу...*
А. Кушнер

[20] «Трещотка. 77». Рукопись, тетрадь, синяя обложка стр. 30-32.

Все вышки и столбы на берегах.
Пустили б! заграничную бы визу!
Хоть скважину в замке! – и я увижу
зевающую женщину Дега...

«Ага, и ты туда же, хулиган?»
Кто пальчиком грозит? Кто недоволен?
Прозаик, ерундит? Прозаик болен?
Прозаик долго пишет свой роман?

Кто уязвлен, обижен и задет?
«Прозаик переходит здесь за грани!..»
Редактор? критик? замполит? Поэт!
Поэт, воспевший зернышки в стакане.

А за спиной, рыкая, аки лев,
уже другой пиит зело ярится
и роет корни дуба, обнаглев...
Что ж, каждому свое, как говорится.

Но, кажется, сбесился весь Парнас
и то, что у подножия Парнаса:
Читающий народ кричит: «Маразм!»
и пишущий: «Маразм, маразм! Зараза!..»

Единства изумительный пример,
когда, как отставные капитаны,
все за необходимость срочных мер:
«Изъять все современные романы!»

О милые мои! Святой народ,
сплотившийся по лавкам бакалейным!
Кто молится, а кто наоборот:
не молится, но тоже по – идейным

соображеньям. «Боже, с нами вождь!»
И там и тут сиянье рая, строя...
И каждый в кулаке сжимает гвоздь
для моего несчастного героя.

1975

Грамматика для самых[21]

Не обращай внимания на папу,
не обращай внимания на маму,
не обращай внимания на тётю,

[21] Перечеркнуто автором – С.В.

не обращай внимания на дядю,
не обращай внимания, дружок!..

Ведь тётя – всё внимание на папу,
ведь дядя – всё внимание на маму,
ведь папа – всё внимание на тетю,
ведь мама – всё внимание на дядю! –
такой у них любительский кружок.

И мама обижается на папу,
и папа обижается на маму,
и дядя обижается на тётю,
и тётя обижается на дядю,
и каждый обижается опять...

А ты не обижаешься на папу,
А ты не обижаешься на маму,
А ты не обижаешься на тётю,
А ты не обижаешься на дядю:
ты знаешь всю грамматику на пять!

10 июня 1976

Вечерком

«Приходи вечерком на чай:
поскучаем и помечтаем...
Ах, какая – в груди – печаль! –
словно жабу с ужом венчаем...»

Полуобморок, полусвет
и тахты одна половина...
Ну, а я ей одно в ответ
всё бубню и бубню, дубина!

Ну, а я ей всё гну и гну:
«Обожаю свою жену!..»

«У меня, – говорит, – сынок
почему-то не любит кашу…
Ем – и в горле такой комок...
Не могу... И смешно и страшно!..»

Ну, а я ей всё гну и гну:
«Обожаю свою жену!..»
Ну, а я ей всё гну и гну:
«Обожаю свою жену!..»

И о чём у нас разговор?
Что расскажем? что не докажем?..
И в упор я гляжу во двор

и не знаю, что делать с кашей...

«Так и тянет всегда к окну,
как голубку: слети – напейся!..
Кто поймает меня одну
на лету?.. Да ети!.. – разбейся!

Ну и пусть, ну и пусть... и пусть! –
всё на свете осточертело...
Правда, я высоты боюсь,
пустоты боюсь до предела.»

Ну, а я ей всё гну и гну…
Ну, а я ей всё гну и гну!
Ну, а я ей…

10 июня 1976

Говорят, Ожиганов...

«Говорят, Ожиганов – какой позор! –
пишет песенки и какой-то вздор
и шатается по базару:
выбирает себе гитару»...

– «Ну и что? – говорю (говорит) я(он). –
Разве наш уважаемый Аполлон
Не бренчал, когда был в ударе,
на священной своей кифаре?

Вот и я, – говорю (говорит) я (он)
переклал свой стон на застольный звон:
взял и выпустил из подвала
чахлых ласточек карнавала!..

Взял и выпустил из подвала
чахлых ласточек карнавала!»

Маф

В.С.[22]

И у меня в штанине пистолет,
как и у всех, и – а куда деваться? –
в мои карманы пачки сигарет
насованы, как пачки прокламаций.

Неторопливый пистолет
на грудь я направляю,

[22] В.С.– Виктор Соснора. – *С.В.*

и –тарарах! – на свете нет
того, в кого стреляю!

Нет ни любви, ни злобы ни к кому,
отличная мишень – мошна матроны...
И я стреляю просто потому,
что надо израсходовать патроны.

Неторопливый пистолет
на грудь я направляю,
и –тарарах! – на свете нет
того, в кого стреляю!

Я мафия в единственном числе,
мой остров закреплён за мной по праву.
Не время ли подумать о после
в соседнюю великую державу?

Неторопливый пистолет
на грудь я направляю,
и –тарарах! – на свете нет
того, в кого стреляю!

Окурки украшают тротуар.
Рабочие, министры, итээры
пинают их... Удар!.. ещё удар! –
и время застучит от новой эры.

Неторопливый пистолет
на грудь я направляю,
и –тарарах! – на свете нет
того, в кого стреляю!

Что было до рождения меня,
кто дышит мне в затылок, тугодумы, –
такая трансцендентная фигня,
что хватит кантовать: откройте трюмы!

Неторопливый пистолет
на грудь я направляю,
и –тарарах! – на свете нет
того, в кого стреляю!

10 июня 1976.

Депрессия[23]

Среди шальных океанид

[23] («Депрессия» – последнее стихотворение в кн. «Трещотка 77». Вошло в «Шестикнижие».)

блаженствовал в Одессе я…
«Ша, Саша! – доктор говорит. –
Не шуточки – депрессия!

И тут болит, и там болит,
и всё покрыто плесенью?..
Твой организм в себе таит
подпольную депрессию.»

Жена лысеет и молчит,
и прибавляет в весе, и
ночами стонет и мычит
в объятиях депрессии.

Шесть звуков дочь не говорит:
во рту – сплошное месиво!
В ней несказанное горит –
подпольная депрессия.

С утра автобусик набит,
у всех – одна профессия:
один *стоит*, другой *сидит* –
повальная депрессия.

С утра аквариум закрыт,
и мается процессия:
стакан налит, стакан разбит –
похмельная депрессия.

В подъезде девочка стоит,
и мальчик вертит перси ей:
им обвенчаться предстоит
с подпольною депрессией.

Куда-то ласточка летит?
Где Греция? где Персия?..
На глобусах один петит:
«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ».

И только форменный бандит
твердит другую версию:
он защищает и хранит
Священную Депрессию.

Найду я тех океанид,
нетронутых депрессией…
«Давай назад! Проезд закрыт:
депрессия!» – «В Одессе?!»

Земля рожает и дрожит,
и заражает весело!
Рази меня! Я – тоже – жид,

я – вечный жид, Депрессия!

24 июня, 1976

***Ссылки на стихи, не вошедшие в настоящую публикацию**:*

Александр Ожиганов. Трещотка. Избранные стихотворения 1960–70-х гг. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002.

https://web.archive.org/web/20160306160406/http://poetry.liter.net/ozhiganov1.html

Александр Ожиганов. Ящеро-речь. Книга поэм. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005. Проект «Воздух», вып. 4. https://www.vavilon.ru/texts/ozhiganov1-1.html

Александр Ожиганов. Шестикнижие. Издательство Т8, 2021. Серия «Часть речи».

Александр Ожиганов. Треножник. Издательство Пальмира, 2023. Серия «Пальмира – поэзия».

Часы, №№ 7 (1977), 16 (1978)

Сайт **samizdat.wiki**

https://samizdat.wiki/images/4/46/ЧАСЫ7-4-Ожиганов-Трещотка.pdf

http://samizdat.wiki/Журнал_«Часы»,_Том_№16

Майя. 1990. № 6

https://pskovbook.ru/book/42197

https://samizdat.wiki/images/6/61/Александр_Ожиганов_Стихотворения_Эссе_Эксплуатация_двойника1.pdf

Парканы // Волга, № 5-6, 1994, с. 3-9. Поэма 1976 г.

Из книги «Монолог» // Волга, № 8-9, 1995, с. 3-21.

Реквием // Волга, № 5-6, 1998, с. 110-121. Поэма (1975 г.)

Ищу работу // *Цирк «Олимп»,* № 29 (10'1997), с. 4.

Ом, Мани, Падме, Хум, Мой голос для тебя, Цирк // Золотой векъ, № 12, 1998, с. 80

«Улов», вып. 5 (весна 2002), с. 187-197. Стихи из книги «*Трещотка*».

Ледяная флейта**.** Литературa » Поэзия » 2017 г.

https://literratura.org/poetry/2159-aleksandr-ozhiganov-ledyanaya-fleyta.html

Ссылки на статьи об Александре Ожиганове:

Виктор Соснора. Внутренняя рецензия на подборку стихотворений АО

http://sosnora.ru/vnutrennaya_retsenzia_na_a_oziganova.shtml

Олег Охапкин. «Александр Ожиганов (лирический очерк)».

https://russculture.ru/2019/10/27/олег-охапкин-александр-ожиганов-лири

Владимир Алексеев «Поэт и прописка» «37». № 1. 1976.

https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A10233

Олег Охапкин Биографическая справка (на Александра Ожиганова) "37" № 5 1976

https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A37_5/datastream/PDF/view

Сергей Стратановский «Ящеро-речь» *О поэзии Александра Ожиганова*

https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4094

https://russculture.ru/2021/07/06/sergei-stratanovskii-jashero-rech-o-poezii-aleksandra-oghiganova/

Тамара Буковская / Санкт-Петербург /

О книге А. Ожиганова «Шестикнижие»

Опубликовано в журнале Крещатик, номер 4, 2021

https://magazines.gorky.media/kreschatik/2021/4/o-knige-a-ozhiganova-shestiknizhie.html

Александр Марков Поэтическое предприятие будущего (Александр Ожиганов. Треножник)

Опубликовано в журнале Новый Мир, номер 6, 2023
https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2023/6/poeticheskoe-predpriyatie-budushhego.html

Дмитрий Кузьмин. Александр Ожиганов. Треножник. Предисл. С. Стратановского. – М.; СПб.: Т8 Издательские Технологии; Пальмира, 2023. – 265 с. – (Пальмира – поэзия).
http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2025-44/hronika/view_print/